

АЛЕКСАНДР ГРИН

ДОРОГА НИКУДА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г85

Серия «Эксклюзив: Русская классика»
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Грин, Александр.
Г85 Дорога никуда : [роман] / Александр Грин. —
Москва : Издательство АСТ, 2023. — 320 с. —
(Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-159072-7

«Дорога никуда» — книга об отчаянии и надежде, благородстве и человечности, смирении и борьбе. История одинокого мечтателя в поисках счастья, которое, казалось бы, близко — на расстоянии вытянутой руки, — но внезапно ускользает из-за трагической ошибки...

Последний законченный роман автора, пронзительно горький, но в то же время излучающий особенный, по-гриновски добрый свет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159072-7

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ЧАСТЬ I

Глава I

Лет двадцать назад в Покете существовал небольшой ресторан, такой небольшой, что посетителей обслуживали хозяин и один слуга. Всего было там десять столиков, могущих одновременно питать человек тридцать, но даже половины сего числа никогда не сидело за ними. Между тем помещение отличалось безукоризненной чистотой. Скатерти были так белы, что голубые тени их складок напоминали фарфор, посуда мылась и вытиралась тщательно, ножи и ложки никогда не пахли салом, кушанья, приготовляемые из отличной провизии, по количеству и цене должны были бы обеспечить заведению полчища едоков. Кроме того, на окнах и столах были цветы. Четыре картины в золоченых рамах являли по голубым обоям четыре времени года. Однако уже эти картины намечали некоторую идею, являющуюся с точки зрения мирного расположения духа, необходимого спокойному пищеварению, бесцельным предательством. Картина, называвшаяся «Весна», изображала осенний лес с грязной дорогой. Картина «Лето» — хижину среди снежных сугробов. «Осень» озадачивала фигурами молодых женщин в венках, танцующих на майском лугу. Четвертая — «Зима» — могла заставить нервного человека

задуматься над отношением действительности к сознанию, так как на этой картине был нарисован толстяк, обливающийся потом в знойный день. Чтобы зритель не перепутал времен года, под каждой картиной стояла надпись, сделанная черными наклеяными буквами, внизу рам.

Кроме картин, более важное обстоятельство обясняло непопулярность этого заведения. У двери, со стороны улицы, висело меню — обыкновенное по виду меню с виньеткой, изображавшей повара в колпаке, обложенного утками и фруктами. Однако человек, вздумавший прочесть этот документ, раз пять протирал очки, если носил их, если же не носил очков, — его глаза от изумления постепенно принимали размеры очковых стекол.

Вот это меню в день начала событий:

РЕСТОРАН «ОТВРАЩЕНИЕ»

1. Суп несъедобный, пересоленный.
2. Консоме «Дрянь».
3. Бульон «Ужас».
4. Камбала «Горе».
5. Морской окунь с туберкулезом.
6. Ростбиф жесткий, без масла.
7. Котлеты из вчерашних остатков.
8. Яблочный пудинг, прогоркший.
9. Пирожное «Уберите!».
10. Крем сливочный, скисший.
11. Тартинки с гвоздями.

Ниже перечисления блюд стоял еще менее ободряющий текст:

«К УСЛУГАМ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

неаккуратность, неопрятность, нечестность и грубость».

Хозяина ресторана звали Адам Кишлот. Он был грузен, подвижен, с седыми волосами артиста и дряблым лицом. Левый глаз косил, правый смотрел строго и жалостно.

Открытие заведения сопровождалось некоторым стечением народа. Кишлот сидел за кассой. Только что нанятый слуга стоял в глубине помещения, опустив глаза.

Повар сидел на кухне, и ему было смешно.

Из толпы выделился молчаливый человек с густыми бровями. Нахмурился, он вошел в ресторан и попросил порцию дождевых червей.

— К сожалению, — сказал Кишлот, — мы не продаем гадов. Обратитесь в аптеку, где можете получить хотя бы пиявок.

— Старый дурак! — сказал человек и ушел.

До вечера никого не было. В шесть часов явились члены санитарного надзора и, пристально вглядываясь в глаза Кишлота, заказали обед. Отличный обед подали им. Повар уважал Кишлота, слуга сиял; Кишлот был небрежен, но возбужден. После обеда один чиновник сказал хозяину:

— Итак, это только реклама?

— Да, — ответил Кишлот. — Мой расчет основан на приятном после неприятного.

Санитары подумали и ушли. Через час после них появился печальный, хорошо одетый толстяк; он сел, поднес к близоруким глазам меню и вскочил.

— Это что? Шутка? — с гневом спросил толстяк, нервно вертя трость.

— Как хотите, — сказал Кишлот. — Обычно мы даем самое лучшее. Невинная хитрость, основанная на чувстве любопытства.

— Нехорошо, — сказал толстяк.

— Но...

— Нет, нет, пожалуйста! Это крайне скверно, возмутительно!

— В таком случае...

— Очень, очень нехорошо, — повторил толстяк и вышел.

В девять часов слуга Кишлота снял передник и, положив его на стойку, потребовал расчет.

— Малодушный! — сказал ему Кишлот.

Слуга не вернулся. Побившись день без прислуги, Кишлот воспользовался предложением повара. Тот знал одного юношу, Тиррея Давенанта, который искал работу. Переговорив с Давенантом, Кишлот заполучил преданного слугу. Хозяин импонирует мальчику. Тиррей восхищался дерзаниями Кишлота. При малом числе посетителей служить в «Отвращении» было нетрудно. Давенант часами сидел за книгой, а Кишлот размышлял, чем привлечь публику...

Повар пил кофе, находил, что все к лучшему, и играл в шашки с кухиной.

Впрочем, у Кишлота был один постоянный клиент. Он, раз зайдя, приходил теперь почти каждый день, — Орт Галеран, человек сорока лет, прямой, сухой, крупно шагающий, с внушительной тростью из черного дерева. Темные баки на его остром лице спускались от висков к подбородку. Высокий лоб, изогнутые губы, длинный, как повисший флаг, нос и черные презрительные глаза под тонкими бровями обращали внимание женщин. Галеран носил широкополую белую шляпу, серый сюртук и сапоги до колен, а шею повязывал желтым платком. Состояние его платья, всегда тщательно вычищенного, указывало, что он небогат. Уже три дня Гале-

ран приходил с книгой, — при этом курил трубку, табак для которой варил сам, мешая его со сливами и шалфеем. Давенанту нравился Галеран. Заметив любовь мальчика к чтению, Галеран иногда приносил ему книги.

В разговорах с Кишлотом Галеран безжалостно критиковал его манеру рекламы.

— Ваш расчет, — сказал он однажды, — неверен, потому что люди глупо доверчивы. Низкий, даже средний ум, читая ваше меню под сенью вывески «Отвращение», в глубине души верит тому, что вы объявляете, как бы вы хорошо ни кормили этого человека. Слова пристают к людям и кушаньям. Невежественный человек просто не захочет затруднять себя размышлениями. Другое дело, если бы вы написали: «Здесь дают лучшие кушанья из самой лучшей провизии за ничтожную цену». Тогда у вас было бы то нормальное число посетителей, какое полагается для такой банальной приманки, и вы могли бы кормить клиентов той самой дрянью, какую объявляете теперь, желая шутить. Вся реклама мира основана на трех принципах: «хорошо, много и даром». Поэтому можно давать скверно, мало и дорого. Были ли у вас какие-нибудь иные опыты?

— Десять лет я пытаюсь разбогатеть, — ответил Кишлот. — Нельзя сказать, чтобы я придумывал плохо. Мне не везет. В моих планах чего-то не хватает.

— Не хватает Кишлотов, — смеясь, сказал Галеран. — Драгоценный фантазер, будь в городе только две тысячи Кишлотов, вы давно уже покачивались бы на рессорах и приказывали жестом руки. Расскажите, в чем вам не повезло.

Кишлот махнул рукой и перечислил свои походы на общественный кошелек.

— Я держал, — сказал он, — булочную, кофейную и зеркальный магазин. Магазин имел вывеску: «Все красивы», — а в объявлении на окне говорилось, что из десяти женщин, купивших у меня зеркало, девять немедленно находят себе мужа. Вот вам пример рекламы вашего типа! Дело не пошло. Торгуя булками, я объявил, что запекаю в каждую тысячную булку золотую монету. Была давка у дверей по утрам, но произошло так, что в конце недели одна монета оказалась фальшивой, и я познакомился со следственными властями. Кафе «Ручеек» было устроено как настоящий ручеек: среди цветов, по жестяному руслу текло горячее кофе с сахаром и молоком. Каждый зачерпывал сам. Но все думали, что поутру в это русло сметают пыль. Теперь — «Отвращение». Я рассчитывал, что город взбесится от интереса, а между тем моя торговля вводит меня в убыток.

— Вполне понятно, — сказал Галеран. — Я уже изложил вам свое мнение на этот счет. Тиррей, принеси мне еще стакан кофе.

Давенант принес кофе и увидел, что у ресторана «Отвращение» остановился щегольской экипаж, управляемый кучером, усеянным блестящими пуговицами. Из экипажа вышли две девушки в сопровождении остроносой и остроглазой дамы, имевшей растерянный вид. Кишлот подбежал к двери, отвесив низкий поклон. Галеран задумчиво наблюдал эту сцену, а Давенант смутился, увидев девушек, несомненно принадлежащих к обществу красивых и смеющихся, одетых в белые костюмы, белые шляпы, белые чулки и туфли, под зонтиками виш-

невого цвета. Одну из них еще рано было называть девушкой, так как ей было двенадцать лет, вторая же, семнадцатилетняя, никак не могла быть кем-нибудь иным, как девушкой.

Их спутница вскричала:

— Роэна! Элли! Я решительно протестую! Посмотрите на вывеску! Я запрещаю входить сюда.

— Но мы уже вошли, — сказала девочка, которую звали Элли. — На вывеске стоит «Отвращение». Я хочу самого отвратительного!

Пока она говорила, Роэна пожала плечами и, гордо подняв голову, переступила запретный порог.

— Надеюсь, вы не будете применять силу? — спросила она пожилую даму.

— Я запрещаю! — беспомощно повторила гувернантка, тащась за девушками.

Сметливый Кишлот обратился к Элли:

— Если маленькая барышня хочет, чтобы их старшая сестрица пожаловали, она должна ей сказать, что «Отвращение» только для виду, а кушать здесь одно удовольствие.

Гувернантка Урания Тальберг, изумленная словами Кишлота, но ими же и смягченная, так как ей польстило быть хотя на один миг сестрой хорошеньких девушек, возразила:

— Вы ошибаетесь, любезный, так как я наставница этих своевольных детей. Надеюсь, вы не заставите нас приглашать доктора после вашей стряпни?

— Если он и будет приглашен вами, — воскликнул Кишлот, — то лишь затем, чтобы провозгласить чудесный цвет лица трех леди, а также их бесподобный пульс.

— Ну, посмотрим, — снисходительно отозвалась Урания, присаживаясь к столу, где уже сидели

Элли и Роэна. Они осматривались, а Давенант смотрел на них, опустив руки и широко раскрыв глаза. Такие создания не могли есть из обыкновенных тарелок, но в ресторане не было золотых блюд.

На его вырчку Кишлот бросился подавать сам, мечтая уже, что ресторан «Отвращение» стал модным местом, куда стекаются кареты и автомобили.

— Вот, мы сели, — сказала Урания. — Что же дальше?

— Что это значит? — спросила Роэна, строго указывая на меню, где значилось: «Тартинки с гвоздями».

— Тартинки с гвоздями, — объяснил Кишлот, — это такие тартинки, в которых нет ничего, кроме хлеба, масла, ветчины, икры или варенья. А относительно гвоздей написано для тех, кто — как бы сказать? — любопытен...

— Вроде нас, — перебила Элли. — Действительно, мы любопытны, но нам нисколько не стыдно!

— Элли! — застонала Урания.

— Многоуважаемая Урания Тальберг, — ответила непокорная девочка, — папа сказал, что сегодня мы можем делать решительно все, что хотим. Глупо было бы, если бы мы не воспользовались... Хозяин!

— Я здесь, барышня.

— Свариваются ли гвозди в желудке? И какой они толщины?

— Хозяин шутит, — решил вставить Давенант, чувствовавший себя так хорошо и неловко, что не знал, как приступить к своим обязанностям.

— Но мы тоже шутим, — ответила Элли, внимательно смотря на него. — Нам весело. Значит, ни-

чего такого не будет? Очень жаль. В таком случае принесите мне молока.

— Чашку молока! — повторили Давенант и Кишлот.

— Чашку кофе и печенье, — заявила Роэна.

— Печенье! кофе! молоко! — закричал Давенант и, бросившись на кухню, чуть не сшиб хозяина, предоставив ему допытываться, не пожелает ли чего-нибудь гувернантка. Он вскочил на кухню и стал трястись от нетерпения над головой повара, который, торопясь, пролил кофе и расплескал молоко. Пока Давенант добывал эту пищу для фей, Кишлот принес сахар, печенье, салфетки и, удостоившись от Урании Тальберг приказания подать стакан холодной воды, явился с ним из-за стойки гордо и строго, дунув на стакан неизвестно зачем и каждому движению придав характер события. Все это очень забавляло девушек, вызывая свет смеха в их лицах и терзая гувернантку, стремившуюся поскорее оставить «вертеп».

Давенант вбежал, таща поднос с кофе и молоком. Заботливо расставил он чашки, опасаясь задеть необыкновенные существа, около которых метался так близко. Он отошел к буфету и стал жадно смотреть.

— Рой, — неосторожно сказала Элли сестре, подмигивая в сторону Галерана, сидевшего неподалеку от девушек, — вот там один из отравившихся пищей дома сего.

— Отравился и умер, и похоронили его, — громко подхватил засмеявшийся Галеран.

— Ах! — вздрогнула гувернантка.

— Элли! — зашипела Роэна.

Девочка, услышав голос осмеянного незнакомца, увела голову в плечи, глаза ее стали круглы и неподвижны. Вцепившись руками в чашку, чтобы не завизжать от хохота, она стиснула колени, скрючив пальцы ног, и, вспотев, пересилила себя.

— Уф-ф! Уф-ф! — едва слышно отдышалась Элли сквозь зубы.

Урания побледнела.

— Довольно! — заявила она, дрожа от негодования. — Какой стыд!

— Извините, — гордо обратилась Роэна к Галерану. — Моя сестра очень несдержанна.

— Эх ты! — горестно прошептала Элли.

— Я рад видеть детей Футроза, — добродушно ответил Галеран. — Я страшно рад, что вам весело. Мне самому стало весело.

— Как, вы нас знаете?! — вскричала Элли.

— Да, я знаю, кто вы. Мое имя вам ничего не скажет: Орт Галеран.

Он встал, поклонясь так непринужденно, хотя сдержанно, что даже чопорная Урания вынуждена была ответить на его приветствие движением головы. Девушки сидели молча. Элли ущипнула себя за руку, а Роэна заинтересованно взглянула на человека, чье простое обращение подчеркнуло, а затем обратило в шутку неловкость девочки.

Давенант с завистью слушал внезапный разговор, печально думая, что он никогда не смог бы подражать Галерану. Каково было его изумление, смятение и восторг, когда Галеран, видя, что посетительницы собираются уходить, обратился к девушкам так неожиданно, что Урания онемела.

— Подарите немного внимания этому молодому человеку, который стоит там, у вазы с яблоками.

Его зовут Тиррей Давенант. Он очень способный, хороший мальчик, сирота, сын адвоката. Ваш отец имеет большие связи. Лишь поверхностное усилие с его стороны могло бы дать Давенанту занятие, более отвечающее его качествам, чем работа в кафе.

— Что вы сказали? — крикнул Давенант. — Разве я вас просил?

Кишлот испуганно замахал руками, морщась и качая головой, даже указал пальцем на лоб.

Но было уже поздно. Давенант попал в свет общего внимания, и Элли, страшно довольная скандализованностью гувернантки, смело улыбнулась мальчику, тотчас шепнув сестре:

— Будем как Аль-Рашид. Почему бы не так?

— Тиррей прав, — согласился, нимало не смущаясь, Галеран, — он меня ни о чем не просил. Эта мысль пришла мне в голову самостоятельно. Я думаю, что после такого моего выступления ваши впечатления приобретут цельность. В самом деле: странное кафе, странные посетители, — странность на странность дает иногда нечто естественное. А что может быть естественнее случайности? И я подумал: дурного ничего нет в моих словах, случай же налицо. Всегда приятно сделать что-нибудь хорошее, не так ли? Вот и все. Возьмите на себя роль случая. Право, это неплохо...

— Однако... — нашла наконец силу и дыхание заговорить гувернантка, — я неприятно удивлена. О боже! Какой ужасный день. Роэна! Элли! Нам совершенно пора идти.

Бессвязно проклокотав шепотом о неприличии сидеть долее за ужасным столом хотя бы еще одну ужасную минуту ужасного дня, Урания Тальберг, встав, строго посмотрела на бессознательно подо-

шедшего Давенанта. Она вновь уселась, найдя совершенно некстати, что этот диковатый юноша с длинными руками довольно мил. Откровенное лицо Давенанта предстало нервной даме во всей беззащитности охвативших его надежд. Искренние серые глаза при полудетской линии рта и правильных чертах были его заступниками. В его привлекательности отсутствовала примитивность подростка: сложный характер и сильные чувства подмечались наблюдательным взглядом, но девушки видели, не разбираясь во всем этом, просто понравившегося им мальчика с встревоженным лицом и красивыми глазами, темноволосого и печального.

— Чего же вы хотите? — сказала Урания Галерану. — Я, право, не знаю... Это так неожиданно. Роэна! Элли!

Сконфуженный Давенант с тяжелым сердцем ожидал разрешения сцены, возникшей по мысли Галерана, которого он теперь проклинал. Всех выручил природный такт Элли, решившей, что шуточный тон будет уместнее всякой торжественности.

— Обожаю неожиданности! — сказала она. — Рой тоже любит неожиданности. Ведь правда, дорогая сестрица? Итак, мы решили в сердце своем: мы — «случайности». А вы — вы почему молчите? Ведь все это о вас!

Давенант, запинаясь, сказал:

— Заговорил не я. Сказал Галеран, чего я ему никогда не прощу.

— Но он угадал? — осведомилась Роэна тоном взрослой дамы.

Давенант ответил не сразу. Он сильно покраснел, выразив беглым движением лица нестерпимое желание удачи.

— Да. Если бы...

То была вырвавшаяся просьба о судьбе и пощаде. Волнение помешало ему сказать еще что-нибудь. Однако сочувственное любопытство девушек уже было на его стороне. Перемигнувшись, они подошли к Давенанту, говоря одна за другой:

— Вы, конечно, понимаете...

— Что ваш друг...

— Что в кафе «Отвращение»...

— С кушаньем «Неожиданность»...

— Произошло движение сердца...

— Мы клянемся вашей галереей: зимним летом и осенней весной...

— Постой, Рой!

— Не перебивай, Элли!

— Я не перебиваю. Мы сегодня делаем, что хотим. Тампико сделает все.

— Сделает все, что мы пожелаем! — воскликнула Элли, сердито смотря на Уранию, стоявшую уже у двери и саркастически поджавшую губы. — Придите завтра к нам. Хорошо? А мы сами скажем отцу. Вы уж с ним самим и поговорите. Якорная улица, дом 9 — это наш дом. Не раньше одиннадцати. Прощайте! — Элли неожиданно подбежала к Галерану, покраснела, но решилась и закончила: — Какой вы чудесный человек! Вы сказали просто, так просто... И так всегда надо говорить. Впрочем, я вам напишу, сейчас я думаю много и бестолково. Куда писать? Сюда? В «Отвращение»? Кому? Неожиданности?

— Элли! — воззвала Урания со стоном и хрипом. Девочка кивнула ей. Стихнув, она присоединилась к сестре.

Кишлот тяжело вздохнул, почесывая бровь. Галеран загадочно улыбался.